

КОНЦЕПЦИИ США И КИТАЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

© 2019 г. Е. Дрожащих

*ДРОЖАЩИХ Евгения Валерьевна, аспирант,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119234 Москва, Ленинские горы, 1 (jane3452@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 17.09.2018.

На фоне длительного американско-китайского антагонизма, перешедшего из статуса “пассивного” в “активный” в 2018 г., и с учетом возрастающей важности космических технологий автор предпринимает попытку провести субстантивный анализ концепций двух стран по использованию космических активов в реализации национальных интересов. Исследование позволяет автору сделать вывод о степени стратегической подготовленности США и Китая к превращению космоса в театр военных действий.

Ключевые слова: США, Китай, космическая стратегия, военно-космическая политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-67-76

СОПЕРНИКИ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

В последнее время все более популярным становится тезис о том, что именно Соединенные Штаты Америки и Китай будут определять глобальный баланс экономической и военной силы и, таким образом, сам характер международных отношений в XXI в. Такой точки зрения придерживаются как зарубежные, так и отечественные эксперты. Например, Р. Дж. Эллингс, президент американского Национального бюро азиатских исследований, следующим образом охарактеризовал зарождающуюся тенденцию в американско-китайских отношениях: “В обозримой перспективе они (США и КНР. – Прим. авт.) будут обладать крупнейшим потенциалом для формирующего воздействия на азиатские и мировые дела. От их решений будут зависеть ценности, институты, линии развития мировой экономики, глобальное состояние экологии и вопросы войны и мира” [1]. Аналогичного мнения придерживаются видные российские ученые и политические деятели: академик РАН А.А. Кокошин и профессор А.Н. Панов. В монографии “Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 г.” они обращают внимание на то, что Соединенные Штаты и Китай в обозримом будущем будут играть “на равных” [2, с. 80, 246]. Это связано с тем, что доминирующее положение США в мировой экономике и политике в последнее десятилетие подвержено эрозии, в то время как КНР стабильно наращивает свою мощь, планомерно активизируя свое внешнеполитическое “я”. Доктор политических наук Я.В. Лексютин дает красноречивое название событиям, которые неизбежно развернутся в Азиатско-Тихо-

океанском регионе, называя АТР “авансценой соперничества Китая и США в XXI веке” [3].

Исследование наработок Соединенных Штатов и Китая в сфере космической деятельности указывает на то, что прогнозируемое соперничество двух стран распространится не только на вопросы экономического и политического влияния, но и на космическое пространство. Хотя на сегодняшний день в арсенале США имеется 859 действующих спутников, в КНР – 250 [4], именно Китай может похвастаться тем, что уже в 2016 г. догнал Соединенные Штаты (и перегнал Россию) по количеству космических запусков за год [5]¹. Нельзя не согласиться с тем, что успехи, достигнутые США в XX в., являются нелегко достижимой целью для Китая, космическая программа которого не раз становилась жертвой внутренних политических пертурбаций [6, pp. 85-92]. Тем не менее КНР идет настолько быстрыми шагами (в освоении программы пилотируемых полетов и исследования объектов Солнечной системы, в реализации проекта собственной орбитальной космической станции² [7] и всеохватывающей системы навигации, планируя высадку астронавтов на Луну к 2020 г. и отправку миссии на Марс к 2025 г. [8]), что его “дерзновенные” устремления вызывают опасения у американских экспертов. Последние считают, что подобная активность может стать прямым ударом по космической гегемонии США, заложив основу для возвышения Китая в мировом масштабе [9; 10].

¹ В 2016 г. КНР и США осуществили 22, а Россия – 17 запусков.

² 28 мая 2018 г. Китай заявил о готовности принимать заявки членов ООН на проведение экспериментов на китайской космической станции.

Привычными становятся взаимные обвинения Вашингтона и Пекина как по торговым, так и по военно-политическим вопросам [11; 12; 13]; тем временем конфликтное состояние переходит в статус новой данности [14]. В этом контексте наличие космических технологий (95% которых – технологии двойного назначения, оставшиеся 5% – военного назначения [15]) ставит вопрос об их возможном использовании для реализации национальных амбиций двух государств. С целью выявления стратегической готовности США и Китая к превращению космоса в театр боевых действий необходимо рассмотреть, какое поведение предписывают руководству обеих стран концептуальные документы, регламентирующие привлечение космических активов к решению военно-политических задач.

“КОСМИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ” В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ США

Несмотря на предпринимавшиеся Соединенными Штатами до 1990-х годов попытки задействовать космическое пространство в решении задач обороны, именно последнее десятилетие XX в., которое сопровождалось апробацией накопленного военно-космического потенциала, обратило внимание руководства страны на необходимость учета фактора “космических систем” при военном планировании [16]. Закономерным образом в американскую “Стратегию национальной безопасности посредством вовлечения и расширения” 1994 г. вошел пункт, в котором содержались основные линии поведения в “критическом” для Америки пространстве. Первоочередными задачами были названы сохранение свободы доступа к космическим ресурсам, поддержание американского военного и технологического лидерства в космосе, предотвращение распространения там оружия массового поражения, отражение угроз интересам страны и агрессивных действий, направленных против ее космических активов в случае неэффективности устрашения [17].

Спустя два года (в 1996 г.) была принята обновленная версия документа “Национальная политика в области космоса”, где получили развитие основные направления (*guidelines*) использования космического пространства для обеспечения национальной безопасности [18]. В их число вошли пункты о необходимости улучшения способности США поддерживать военные операции, отслеживать стратегические военные угрозы, возникающие в связи с враждебными действиями других космических держав, и реагировать на них. Далее перечислялись общие вопросы, решение которых должно было помочь Вашингтону в совершенствовании своих возможностей по реализации внутри- и внешнепо-

литических задач. Однако, несмотря на импульс, полученный в те годы, созданная в 2000 г. по инициативе комитетов по делам вооруженных сил обеих палат Конгресса Комиссия по оценке управленческих и организационных аспектов космической деятельности в интересах национальной безопасности выявила недостаточность внимания, уделявшегося роли космоса в отстаивании национальных интересов при администрации Клинтона. В докладе Комиссии 2001 г. критиковалась “неготовность разведсообщества и Министерства обороны к использованию космоса для противодействия имеющимся и перспективным угрозам” и подчеркивалось, что, будучи “гарантом мирового порядка” и “стражем демократических и либеральных ценностей”, Америка обязана обеспечить себе безусловное военное превосходство в космосе. Эта идея, которую лоббировал руководивший работой Комиссии министр обороны США Д. Рамсфелд, впоследствии была объявлена одной из главных задач американской военно-космической политики [19].

Призыв к пересмотру места космических средств в военной стратегии государства привел к активизации деятельности Пентагона по исследованию отмеченного “окна возможностей”. В феврале 2005 г. Министерство объявило о начале учений “Совместные операции по контролю над космическим пространством”, в рамках которых предполагалось выработать «тактику и стратегию действий после “размонтирования” спутниковой группировки противника». За этой программой последовал цикл учений “Предельная ярость-06”, “Объединенные усилия-06”, которые стали реальным воплощением подписанной в 2006 г. Дж. Бушем мл. новой космической доктрины [20]. Документ обозначил притязания Вашингтона на единоличное владение околоземным пространством и отказ от обсуждений ограничения своей деятельности в космосе, в том числе по развитию информационной и разведывательной техники.

Отмечалось, что добиться стратегического преимущества можно за счет: поддержания возможностей по проведению миссий космической поддержки, силового принуждения, космического контроля; установления определенных требований к средствам разведки, чем можно будет воспользоваться на тактико-оперативном уровне; обеспечения надежного и своевременного доступа к космическим активам оборонному и разведывательному секторам; обеспечения возможностей по длительному стратегическому и тактическому предупреждению о запуске ракет; установления и реализации процедур по защите чувствительной информации, касающейся обеспечения обороноспособности в космосе [20]. Эти функции закреплялись за министром обороны, в то время как директор Национальной разведки должен был

отвечать за осуществление дополнительного комплекса соответствующих задач.

Примечательно, что доктрина 2006 г. существенно отличалась от документа 1996 г.: если в более ранней версии на первое место ставилась космическая политика в гражданском секторе, то теперь приоритет был отдан военной сфере. В “Национальной космической политике 2006 г.” практически ничего не говорилось о международном гражданском сотрудничестве в космосе, тем не менее подробно рассматривалась важность обеспечения доступа к максимально широкому диапазону частот, в котором заинтересовано военное командование, а также к космическим аппаратам с ядерными источниками энергии.

Расставленные таким образом акценты вызвали незамедлительную реакцию со стороны общественности, отметившей повышение градуса космической милитаризации, на которую пошел Вашингтон. То, что колумнист *Space.com* Л. Дэвид назвал адекватной реакцией на террористический акт 11 сентября, специалист в сфере лазерной индустрии Дж. Хехт именовал началом новой противоракетной гонки вооружений [21; 22]. Провозглашенная Бушем свобода действий в космосе, “имеющая то же значение, что и доминирование в воздухе или на море”, была воспринята как вызов международному праву и претензия на общемировое господство [23; 24]. Но, несмотря на озвученные международным сообществом опасения по поводу вероятного изменения “уравнения контроля за космосом”, позиция представителей американских военно-политических кругов осталась неизменной: “Национальная космическая политика 2010 г.” содержала лишь еще более четкие указания по защите интересов, инфраструктуры, обеспечению независимой политики в космосе и при необходимости – лишению противника условий для конкурирования с мощью США [25].

В опубликованной в январе 2011 г. первой Национальной стратегии космической безопасности Министерство обороны и ЦРУ анонсировали повышение интероперабельности (возможности взаимодействия) и совместимости национальных систем безопасности, действующих на всех оперативных направлениях, а также максимизацию эффективности архитектуры национальной безопасности [26]. Как и в документе 2010 г., была подчеркнута зависимость между космическими и информационными системами, способными оптимизировать процесс достижения политических и военных целей кампаний, а также необходимость уменьшения потенциального выигрыша противника от нападения на Соединенные Штаты с использованием экономического выгодных средств защиты (*cost-effective protection*).

В параграфах “Предотвращение и сдерживание агрессии против критической для безопасности США космической инфраструктуры” и “Подготовка к отражению атак и действиям в условиях подорванной стабильности” была отмечена важность повышения устойчивости (*resilience*)³ американских космических систем, которая может быть достигнута путем принятия “кросс-доменных” решений (с задействованием средств на суше, море, в воздухе, космосе, киберпространстве). Также устойчивости предполагалось добиваться за счет распределения полезного груза по нескольким космическим платформам на разных орбитах, привлечение международных и коммерческих партнеров к проведению высокоэффективных миссий.

Впоследствии эта задача была отражена в Директиве Министерства обороны США № 3100.10 “Космическая политика” 2012 г. и затем более детально развита в документе 2015 г. “Обеспечение миссий в космическом пространстве: классификация подходов к обеспечению устойчивости”, подготовленном Управлением помощника министра обороны по вопросам национальной обороны и международной безопасности [28; 29]. Согласно последнему, “устойчивость” наряду с “оборонительными операциями” (*defensive operations*) и “восстановлением утраченных активов” (*reconstitution*) является ключевым звеном обеспечения боеспособности в космосе (*space domain mission assurance*) и включает: размещение космических средств на множестве отдельных платформ; увеличение количества спутниковых узлов, работающих в рамках одной системы, для осложнения выбора противником цели атаки, и ряд других составляющих [29, р. 6].

Подробный анализ основ ведения военных космических операций представлен в Наставлении Комитета начальников штабов США 3–14 “Космические операции” от 29 мая 2013 г. [30] Этот 135-страничный документ содержит обзор не только концептуальных основ ведения боевых действий с использованием космических средств, играющих роль так называемого эффекта “мультипликатора” (*multiplier*) для совместных “кросс-доменных” операций, но и описание требований к этим сред-

³ Министерство обороны дает следующее определение данному термину: «Устойчивость – это способность космической архитектуры выполнять функции по обеспечению условий, при которых запланированные миссии будут осуществляться, несмотря на враждебные действия со стороны противника. Архитектура более “устойчива”, если может обеспечить эти функции с большей степенью вероятности, с более короткими периодами отсутствия доступа к полному спектру возможностей и если предполагает наличие разных сценариев, с разными “вводными параметрами” (возможностями/угрозами). “Устойчивость” может оказывать позитивное воздействие на проведение “кросс-доменных” операций и на расширение возможностей государств, коммерческого сектора» [27].

ствам, структуры взаимодействия внутри Стратегического командования Вооруженных сил США и функций каждого субъекта военно-космической деятельности⁴. Положения документа, в основу которого легла Стратегия 2011 г., позволяют говорить о новом взгляде американского военно-политического руководства на роль и место вооруженного противоборства в воздушно-космической сфере, отражающем понимание особенностей трансформации основных критериев видения и ведения войн в XXI в.

Подтверждение последнему тезису можно найти в исследованиях, проведенных экспертами Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова в сфере эволюции американской военно-технической политики [31]. В монографии 2017 г. авторы раскрывают понятие “стратегия компенсации” (СК), принятое в оборот руководством Министерства обороны США еще в 1950-е годы [31, с. 17], заключая, что третье издание СК (2014 г.)⁵ было вызвано вероятностью подключения новых акторов к действиям на американских театрах военных действий [31, сс. 30–32]⁶. В этом контексте было решено осуществлять обеспечение американского военного превосходства на перспективу до 2030 г. за счет прорывных технологий (автоматизированных систем, гиперзвуковых летательных аппаратов, использования направленной передачи энергии), а также организационных инноваций и новаций в области оперативного искусства [31, сс. 45, 86].

Эти компоненты, по мнению американского военного руководства, станут гарантированным “рецептом победы” страны в военном конфликте [31, с. 120]. Именно на фоне подобных ожиданий американские эксперты высказывают мысли о насущности дальнейшей модификации Национальной стратегии космической безопасности, в которой должно уделяться большее внимание вопросам эскалации и устрашения в космосе и непосредственно “переходу от слов об устрашении к действиям” [32].

Навстречу таким ожиданиям пошел президент Дональд Трамп. Сначала в своем заявлении, сделанном перед Корпусом морской пехоты 13 марта

2018 г., он несколько раз подчеркнул актуальность создания Космических сил (как шестого рода войск) [33], аргументировав это тем, что “космос — это такой же театр военных действий, как суша, воздух и морской ТВД”. В августе инициатива президента была представлена в развернутом виде в докладе Министерства обороны Конгрессу — документе, содержащем предложения относительно организационной и управленческой структуры будущих Космических сил [34]. По мнению автора статьи, подобное структурное переосмысление позволит США предстать перед мировым сообществом как гомогенная космическая держава, усилившая свои позиции за счет передачи полномочий более чем 60-ти государственных ведомств (агентств) под управление одного структурного подразделения.

Наряду с этим в марте 2018 г. Белый дом опубликовал заявление — анонс Национальной космической стратегии, положения которой соответствуют лозунгу “*America First*”, провозглашенному Д. Трампом еще во время президентской кампании в 2016 г. [35]. Несмотря на отсутствие на данный момент самого документа, исходя из анонса, а также Директивы президента Министерству обороны США от 18 июня 2018 г. [36], можно отметить, что новая Стратегия отразит более жесткий подход к соперникам и противникам, превратившим космос в пространство военно-политического маневра. Опорными пунктами при этом названы “устойчивость космической архитектуры” (повышение обороноспособности космических активов США), “повышение способности устрашать и вести боевые действия” (готовность как предупредить, так и отразить удар), “улучшение организационных аспектов, структур, процессов (повышение эффективности спецопераций) и содействие национальным и глобальным попыткам развить космическую отрасль” (посредством улучшения законодательных основ, условий коммерциализации). В целом, учитывая риторику Трампа и его политический стиль, нельзя исключить, что Стратегия впитает в себя дух “звездных войн” Р. Рейгана.

КИТАЙ НА ПУТИ К ДОСТИЖЕНИЮ “КОМАНДНОЙ ВЫСОТЫ”

В отличие от Соединенных Штатов, в Китае пока не разработали доктрины, где давались бы прямые указания по применению космических сил в ходе военных миссий. В аналогах американской “Национальной политики в области космоса” — “Белых книгах о космической деятельности КНР”⁷

⁴ Как и в “Национальной космической политике 2006 г.”, в документе 2013 г. указаны следующие направления космических миссий: обеспечение осведомленности об обстановке в космосе, расширение инструментария по силовому воздействию в космосе, поддержание деятельности в космосе, контроль над космическим пространством, применение космических сил при решении вопросов в других доменах.

⁵ Пока не оформленное в виде самостоятельной доктрины.

⁶ Таким образом, американцев пугала угроза концепции “противодействия доступу” *A2/AD (anti-access/area-denial)*, что также отмечено в Национальной военной стратегии 2015 г. [37]

⁷ Издаются центром информационного обеспечения Госсовета КНР раз в пять лет накануне или в первый год очередного пятилетнего плана социально-экономического развития страны.

(2000, 2006, 2011 гг.), – хотя и содержатся ссылки на задачу обеспечения национальной безопасности, положений о способах ее достижения (кроме как посредством развития инновационной и мирной космонавтики) нет [38; 39; 40]. В обновленной версии 2016 г., содержащей положение о роли космической деятельности в воплощении “Китайской мечты”, возможность применения космических технологий не в гражданских целях также опускается. При этом обращает на себя внимание тезис о необходимости превращения Китая в “космическую державу во всех смыслах” (*space power in all respects*) [41].

Первых “ласточек” военно-космической стратегии КНР можно найти в следующих публикациях:

1) номер *Military Astronautics* за 2005 г., который стал учебным пособием для Народно-освободительной армии Китая по проведению операций в космосе (авторство принадлежало генералу Чан Сяньци, бывшему директору Командного технического института НОАК);

2) серия обучающих материалов, подготовленная Академией военных наук НОАК⁸ в 2011–2013 гг., которая включала 65 сборников, посвященных проведению космических операций, командованию совместными операциями, перспективным оперативным возможностям в космосе;

3) документ доктринального характера “Наука военной стратегии”, подготовленный Департаментом исследования военной стратегии Академии военных наук НОАК в 1987, 2001 и 2013 гг.

Рассмотрим каждый из них с точки зрения “руководящих принципов” (*guiding thought*), определяющих видение Китаем космических операций будущего.

В первом документе акцент был сделан на проведение объединенных операций (*unified operations*) с подключением гражданских и военных сил, а также разных родов войск к решению одних и тех же задач [42]. Предполагалось использование “мягких” и “жестких” средств поражения (*soft-kill and hard-kill techniques*)⁹ для принуждения противника к сворачиванию своих позиций и обеспечения космического доминирования/космического превосходства – возможности использовать космическое пространство в своих целях тогда, когда это необходимо, не предоставляя противнику свободу делать то же самое. Для достижения превосходства ставилась цель непрерывного обеспечения сбора инфор-

мации и поддержания функционирования систем ее передачи, то есть ведения контроля за целой структурой наземных и космических систем, линиями связи и подрыва возможностей противника.

В сборнике материалов “*Science of Space Operations Teaching Materials*” 2013 г. значительное внимание уделялось “активной обороне” и тезису о важности захвата инициативы в космическом пространстве, предполагавшей “осуществление наступательных действий для обеспечения стратегической обороны” [43]. Принцип “объединения всех аспектов” (*all-aspects unified*) расширял трактовку “объединенных операций” и включал интеграцию всех космических операций в общую систему планирования и управления в рамках одного из направлений деятельности: космического устрашения (посредством демонстрации космических сил и оружия, проведения учений в космосе, развертывания космических сил), космической блокады (блокировки наземных установок, создания препятствий для функционирования космических аппаратов и стартовых установок), ударных и оборонительных космических операций, информационного обеспечения деятельности в космосе. Отмечалось, что космические операции должны быть точечными, скоординированными.

Рассмотрим более подробно третий документ. Он представляет собой актуальную теоретизированную военную стратегию Народно-освободительной армии Китая и раскрывает вопросы обучения, тренировки профессиональных кадров и исследования возможностей подключения космоса к решению задач в некосмических пространствах [44]. В издании 2013 г. были включены дополнительные (относительно изданий 1987 и 2001 гг.) главы: “Стратегическое планирование и использование военных средств в мирное время”, “Стратегическое планирование и боевые действия в ядерной сфере, космосе и киберпространстве”, “Стратегии для видов войск и на разных полях битвы”, “Стратегическое пространство и расположение”, “Планирование и создание вооруженных сил с китайскими характеристиками”.

В описании исторической миссии армии подтверждается тезис о ведении будущих локальных войн в условиях информатизации, прописанный в “Белой книге по национальной обороне” КНР 2013 г. [45] Согласно документу, “угроза стать целью высокотехнологичных военных действий в воздушно-морском, воздушно-космическом и кибер-космическом пространствах возрастает”, а “число районов боевых действий увеличивается с трех измерений до пяти”: от наземных, морских, воздушных операций к задействованию космоса и киберпространства [44, р. 96].

В “Науке военной стратегии” уделяется значительное внимание построению системы устрашения

⁸ АВН НОАК – исследовательская структура, подконтрольная Центральной военной комиссии.

⁹ Под использованием средств *hard-kill* понимают применение противоспутникового оружия или физические атаки на площадки запуска, системы телеметрии и контроля. *Soft-kill* предполагает создание помех в связи или кибератаки.

противника за счет кумулятивного эффекта от разработки “небольших, но эффективных ядерных сил”, “информатизированных конвенциональных оперативных сил”, “сил ведения информационной борьбы, которые могут помочь заручиться преимуществом в локальном информационном конфликте”, “гибких и вариативных космических сил”, “инновационных сил гражданского устрашения” [44, р. 148]. Эти силы, по мнению авторов работы, революционно изменят механизмы, методы проведения операций и сами театры военных действий [44, р. 150].

В документе также отмечается, что космос перешел от статуса “поддерживающего компонента” к “главному компоненту” [44, р. 179], поэтому развитие военно-космических сил теперь должно не только обеспечивать защиту собственных активов в космосе, но и повышать шансы стратегического устрашения и расширения сферы национальных интересов. Устрашение сможет предотвратить инициирование противником военных действий, которые потенциально подорвут функционирование космических активов и тем самым ограничат свободу рук в наземных операциях, негативно сказываясь на жизни мирных граждан. В этом контексте признается необходимость создавать “информатизированные военные силы, побеждать в информатизированной войне и способствовать трансформации армии в соответствующем направлении” [44, р. 179].

Декларативно не стремясь к “игре мускулами” с великими державами, Китай закрепляет за собой право разрабатывать устрашающий потенциал, признавая важность космоса в передаче информации для обеспечения выполнения боевых операций. Авторы документа заключают, что космические средства должны служить в качестве “мультипликатора” мощи государства в других пространствах (*force “enhancer”*, именуемый “*multiplier*” в Наставлении Комитета начальников штабов ВС США) [44, р. 187].

В документе ставится цель “интеграции военно-воздушных и военно-космических сил и наделяние их способностью вести как оборонительные, так и наступательные боевые действия”: “...мы должны развивать возможности нанесения наступательного удара в космосе, параллельно улучшая наши средства обороны. При необходимости нам придется продемонстрировать способность наносить значительный ущерб и оказывать влияние на космические системы других стран и показать нашу решительность переходить от теории к действиям” [44, р. 182].

Таким образом, космическое пространство определяется как домен, который за счет гибкости своего применения может обеспечить преимущество в асимметричных боевых действиях и пере-

хват военной инициативы. Интересно, что, анализируя военно-космическую деятельность, авторы документа говорят о важности достижения “командной высоты” в космосе (*commanding height*), что получило дальнейшее развитие в “Белой книге по военной стратегии” КНР 2015 г. [46]

В способности собирать, передавать, анализировать и использовать информацию быстрее, чем противник, состоит космическое и информационное доминирование – “командная высота” международного стратегического соперничества [46]. “Чтобы приблизиться к ней, необходимо модернизировать стратегии безопасности, военные доктрины, ускорить военную трансформацию и провести реструктуризацию ВС”, – заключают военные эксперты в первой главе.

Последняя задача уже решается военно-политическим руководством страны, запустившим процесс усовершенствования Вооруженных сил Китая в рамках трехэтапного развития оборонно-промышленного потенциала и модернизации ВС, провозглашенных Цзян Цзэмином в 2001 г. [47, с. 13] С 2015 г. Си Цзиньпин активизировал усилия по преобразованию НОАК в военную силу, способную осуществлять операции “объединенных” ВС на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях (*joint combat operations*) и служить в качестве внушительного устрашающего механизма для предотвращения недружественных действий в отношении национальных интересов КНР. Создание в рамках этих усилий Стратегических сил поддержки НОАК (*Strategic Support Force*), ответственных за планирование и проведение космических, кибер- и электронных военных действий, подтверждает намерение повысить эффективность армии в урегулировании “кросс-доменных” конфликтов с обладающими высокими технологиями противниками. В перспективе это подразделение станет информационным “зонтиком” для военных операций Китая, объединяя контроль над разведанными и данными раннего оповещения.

* * *

Изучение упомянутых выше документов позволяет сделать следующие выводы.

В первую очередь обращает на себя внимание фактор взаимного учета в американских и китайских доктринах. При рассмотрении стратегических документов США можно заметить, что их тональность из года в год ужесточается. Например, в “Национальной космической политике 2006 г.” блок по безопасности впервые поднимается над “гражданской” и “коммерческой” частями. В нем отмечается приоритет свободы действий в космосе и готовность “отказать” (*deny*) в свободе другим космическим державам в случае возникающей необходимости.

Более явное указание на китайскую угрозу мы находим в “Национальной космической политике 2010 г.”, где впервые упоминаются возможные разрушительные последствия безответственной деятельности в космосе — что, очевидно, является реакцией на успешное испытание КНР противоспутникового оружия в 2007 г. В документе Соединенные Штаты призывают к ответственному поведению, необходимому для бесперебойной космической деятельности государств, дублируя этот призыв в “Национальной стратегии космической безопасности 2011 г.”

В данной Стратегии завуалированные намеки на недружественную деятельность Китая обретают вполне четкий вид. Открыто говорится о том, что космос становится “перегруженным, оспариваемым, конкурентным” (*congested, contested, competitive*) не в последнюю очередь из-за испытаний КНР противоспутникового и других видов противокосмического оружия. В связи с этим американцы ставят целью достижения устойчивого к внешним факторам космического пространства, действовать в котором государства должны главным образом ответственно.

Далее из Наставления Комитета начальников штабов 2013 г. следует, что “противники” США закупают технологии и развивают собственные космические возможности, ухудшая тем самым общую обстановку в космосе. Поэтому Америка вынуждена отражать недружественное поведение, обеспечивая свободу действий в космосе путем либо оборонительного контроля, либо устрашения. В этом контексте заслуживает внимания тот факт, что за несколько дней до публикации — 13 мая, в то время как сам документ был опубликован 29 мая, — Китай испытал ракету, почти достигшую геосинхронной орбиты и потенциально способную уничтожить космические активы противника, фактически наглядно иллюстрируя актуальность выпущенного документа.

В свете “Национальной стратегии безопасности США 2017 г.”, в которой Китай (как и Россия) назван ревизионистом, ставящим под сомнение американское лидерство, несложно догадаться, что ожидаемая к публикации “Национальная космическая стратегия” Д. Трампа будет содержать более жесткий антикитайский посыл.

Что касается Китая, то, как было отмечено выше, Белые книги о космической деятельности КНР 2000 и 2006 гг. оценок состояния космического пространства не содержали. Однако в пику обвинениям китайских экспертов в воровстве технологий (со стороны Америки)¹⁰ в документах 2011 и 2016 гг. особенно выделяется положение о неза-

висимости КНР в разработке собственных космических технологий.

Примечательно, что публикации этих двух документов предшествовало издание Белых книг по национальной обороне Китая 2010 и 2013 гг., содержавших замечания о возрождении гегемонизма и борьбе мировых держав за стратегическое превосходство. Это обуславливает взгляд на положение Белых книг 2011 и 2016 гг. об обеспечении стабильного и устойчивого космоса и создании эффективной системы национальной безопасности сквозь соответствующую призму (если не антиамериканскую, то учитывающую роль США).

О присутствии американского фактора в документах КНР также говорит и то, что с 2011 г. Пекин открыто сигнализирует о слабой позиции Вашингтона в отношении международно-правовых актов, контролирующих гонку в космическом пространстве. Указывая на несговорчивость США, якобы призывающих к мирному космосу (на фоне очевидно жесткого американского дискурса по вопросам взаимодействия с другими субъектами космической деятельности), Китай заявляет об открытой поддержке ведущихся в ООН переговоров по вопросу заключения соглашения об отказе от вепонизации космического пространства. Таким образом, можно с уверенностью говорить об учете обеими сторонами космической деятельности и общего поведения друг друга на международной арене при составлении доктринальных документов в этой сфере.

Тем не менее на взаимных упоминаниях (открытых или скрытых) общее видение военно-космической деятельности не заканчивается. Во-первых, схожесть в подходах прослеживается в признании значимой перспективной роли проведения объединенных операций и интеграции потенциала гражданских и военных сил посредством объединения космических операций в общую систему планирования для достижения большей интероперабельности национальных систем безопасности. Во-вторых, и США, и КНР определяют устрашение и обеспечение достаточного уровня обороноспособности как главные механизмы предотвращения недружественных шагов со стороны противника, оставляя второстепенную роль ударным космическим операциям, вариантам космической блокады, что говорит о неготовности стран в данный момент сознательно превращать космос в театр военных действий. В-третьих, для обеих держав доступ к информации, ее сбор в реальном времени, обработка, анализ и распространение являются критичными. Перечисленные операции необходимы для определения космического потенциала противника, идентификации угроз национальной гражданской и военной космической

¹⁰ Подобные обвинения часто упоминаются в докладах Министерства обороны США, характеризующих изменения в военной сфере и сфере безопасности Китая.

деятельности, то есть повышения уровня космической ситуационной осведомленности и своевременного реагирования на выявленные угрозы.

В заключение можно отметить, что с 1990-х годов Соединенные Штаты проводят последовательную политику закрепления за собой доминирующих позиций в космосе и обоснования роли космического пространства для решения всего комплекса военно-политических задач государства. Со временем лишь повышается “градус” возможного применения космических технологий. В складывающихся на мировой арене условиях не исключено, что Д. Трамп, в соответствии с вышеупомянутым мартовским заявлением Белого дома, предложит наиболее конфликтную по своему со-

держанию (по сравнению с предшествующими) Стратегию космической политики, в основу которой будет положена возможность ведения боевых действий в космосе.

Говорить же об официально прописанных механизмах военного применения космических технологий китайским руководством пока сложно, несмотря на наличие ряда работ, выпущенных под грифом Народно-освободительной армии Китая. Тем не менее можно предположить, что с усилением своего космического потенциала на фоне двусторонних конфликтов с США КНР изменит характер национальных стратегических документов на более жесткий и продемонстрирует способность говорить с позиции силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мурашева Г.Ф. Есть ли альтернатива статус-кво в территориальном споре в Южно-Китайском море? *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2013, № 20, сс. 5-15. [Murasheva G.F. Est' li al'ternativa status-kvo v territorial'nom spore v Yuzhno-Kitaiskom more? [Is There Alternative to Status-Quo in the Territorial South China Sea Dispute?]] *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2013, no. 20, pp. 5-15.]
2. Кокошин А.А., Панов А.Н. *Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года*. Москва, Красанд, 2014. 336 с. [Kokoshin A.A., Panov A.N. *Макроструктурные izmeneniya v sisteme mirovoi politiki do 2030 goda* [Macrostructural Changes in the World Politics System by 2030]. Moscow, Krasand, 2014. 336 p.]
3. Лексютина Я.В. АТР как авансцена соперничества Китая и США в XXI веке. *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 7, сс. 2-10. [Leksyutina Y.V. ATR kak avantsena sopernichestva Kitaya i SShA v XXI veke [Asia-Pacific Region as a Foreground for China-U.S. Rivalry in the 21st Century]. *Asia and Africa Today*, 2014, no. 7, pp. 2-10.]
4. *UCS Satellite Database: In-Depth Details on the 1,886 Satellites Currently Orbiting Earth* (2018). Union of Concerned Scientists. Available at: <https://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.Ww5qJuqFSM8> (accessed 15.08.2018).
5. Китай впервые догнал США по количеству космических запусков в год, Россия – на третьем месте. *RNS*, 31.12.2016. [China First Time Caught up with U.S. in Number of Space Launches per Year, Russia – on the Third Place. *RNS*, 31.12.2016. (In Russ.)] Available at: <https://rns.online/military/Kitai-vpervie-dognal-SSHa-po-kolichestvu-kosmicheskikh-zapuskov-v-god-Rossiya-na-tretem-meste-2016-12-31> (accessed 05.08.2018).
6. Moltz J.C. *Asia's Space Race: National Motivations, Regional Rivalries and International Risks*. New York, Columbia University Press, 2012. 288 p.
7. David L. China's Space Station Will Be Open to Science from All UN Nations. *Space.com*, 29.05.2018. Available at: <https://www.space.com/40727-china-space-station-united-nations-experiments.html> (accessed 29.03.2018).
8. Dellios R. China's Space Program: a Strategic and Political Analysis. *Culture Mandala: the Bulletin of the Centre for East West Cultural and Economic Studies*, 2005, vol. 7, iss. 1, article 1, pp. 1-15.
9. Tellis A. *Does China Threaten the United States in Space?* Carnegie Endowment for International Peace. January 28, 2014. Available at: <http://carnegieendowment.org/2014/01/28/does-china-threaten-united-states-in-space> (accessed 05.09.2018).
10. *2016 Annual Report to Congress*. U.S.–China Economic and Security Review Commission. November 16, 2016. Available at: https://www.uscc.gov/Annual_Reports/2016-annual-report-congress (accessed 25.08.2018).
11. Буланов К. Трамп поговорил с президентом Тайваня вопреки позиции Китая. *РБК*, 03.12.2016. [Bulanov K. Tramp pogovoril s prezidentom Taivanya вопреки pozitsii Kitaya [Trump Talked to the President of Taiwan Despite China's Position]. *RBC*, 03.12.2016.] Available at: <http://www.rbc.ru/politics/03/12/2016/58421ce29a79471ebfdb94d5> (accessed 23.08.2018).
12. Кашин В.Б. *Южно-Китайское море – Гаагский суд и военная напряженность*. Российский совет по международным делам. 14.07.2016. [Kashin V.B. *Yuzhno-Kitaiskoe more – Gaagskii sud i voennaya napryazhennost'* [South China Sea – the Hague Tribunal and Military Tension]. Russian International Affairs Council. 14.07.2016.] Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhno-kitayskoe-more-gaagskiy-sud-i-voennaya-napryazhennost/?sphrase_id=2071930 (accessed 25.03.2018).
13. Walker A. Are We on the Brink of a US-China Trade War? *BBC*, 13.04.2018. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-43715084> (accessed 13.04.2018).
14. Roncevert G.A. The US-China Trade War. *The Diplomat*, 27.05.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/05/the-u-s-china-trade-war/> (accessed 27.05.2018).
15. Martel W., Yoshinara T. Averting a Sino-U.S. Space Race. *The Washington Quarterly*, 2003, no. 26:4, pp. 19-35.

16. *National Security Decision Directive Number 42. National Space Policy*. The White House. Washington. July 4, 1982. Available at: <http://www.taikongmedia.com/UploadFiles/2015-04/12/14292549911332715.pdf> (accessed 25.05.2018).
17. *A National Security Strategy of Enlargement and Engagement*. The White House. July 1994. Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf> (accessed 25.05.2018).
18. *Section-by-Section Comparison of 1996 and 2000 National Space Policy Documents*. Available at: <http://www.thespacereview.com/archive/745a.pdf> (accessed 25.05.2018).
19. Kay J. *Bush Administration Renews US Drive to Militarize Space*. World Socialist Web Site. 25.07.2001. Available at: <https://www.wsws.org/en/articles/2001/07/spac-j25.html> (accessed 25.05.2018).
20. *U.S. National Space Policy*. GlobalSecurity.org. Available at: http://www.globalsecurity.org/space/library/policy/national/us-space-policy_060831.htm (accessed 25.05.2018).
21. David L. New Bush Space Policy Unveiled, Stresses U.S. Freedom of Action. *Space.com*, 07.10.2006. Available at: <http://www.space.com/2884-bush-space-policy-unveiled-stresses-freedom-action.html> (accessed 20.05.2018).
22. Hecht J. US Takes Unilateral Stance in New Space Policy. *New Scientist*, 10.10.2006. Available at: <https://www.newscientist.com/article/dn10262-us-takes-unilateral-stance-in-new-space-policy/> (accessed 20.05.2018).
23. *US Adopts Tough New Space Policy*. BBC, 18.10.2006. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6063926.stm> (accessed 20.05.2018).
24. Bush erklärt sich zum Herrscher des Universums. *Der Spiegel*, 18.10.2006. Available at: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/us-weltraumpolitik-bush-erklaert-sich-zum-herrscher-des-universums-a-443157.html> (accessed 20.05.2018).
25. *National Space Policy of the United States of America*. NASA. June 2010. Available at: https://www.nasa.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (accessed 29.05.2018).
26. *National Security Space Strategy*. Department of Defense. Washington. January 2011. Available at: <https://www.hsdl.org/?view&did=10828> (accessed 29.05.2018).
27. *Fact Sheet: Resilience of Space Capabilities*. Department of Defense. Washington. January 2011. Available at: http://archive.defense.gov/home/features/2011/0111_nsss/docs/DoD%20Fact%20Sheet%20-%20Resilience.pdf (accessed 20.04.2018).
28. *Department of Defense Directive Number 3100.10*. Department of Defense. Washington. October 18, 2012. Available at: <https://www.hsdl.org/?view&did=796643> (accessed 25.05.2018).
29. *Space Domain Mission Assurance: a Resilience Taxonomy*. A White Paper. Office of the Assistant Secretary of Defense for Homeland Defense and Global Security. September 2015. Available at: <https://policy.defense.gov/Portals/11/Space%20Policy/ResilienceTaxonomyWhitePaperFinal.pdf?ver=2016-12-27-131828-623> (accessed 25.05.2018).
30. *Space Operations*. Joint Publication 3–14. 29 May 2013. Available at: <https://info.publicintelligence.net/JCS-SpaceOps.pdf> (accessed 20.05.2018).
31. Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. *О новых приоритетах военно-технической политики США*. Москва, Ленанд, 2016. 160 с. [Kokoshin A.A., Bartenev V.I., Veselov V.A. *O novykh prioritetakh voenno-tekhnicheskoi politiki SShA* [On New Priorities of the U.S. Military-Technical Policy]. Moscow, Lenand, 2016. 160 p.]
32. *An Examination of the U.S. National Security Space Strategy*. Secure World Foundation. 31.05.2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0ZuhWISSims> (accessed 02.06.2018).
33. Wilkie C. Trump Floats the Idea of Creating a ‘Space Force’ to Fight Wars in Space. *CNBC*, 13.03.2018. Available at: <https://www.cnn.com/2018/03/13/trump-floats-the-idea-of-creating-a-space-force-to-fight-wars-in-space.html> (accessed 15.03.2018).
34. *Final Report on Organizational and Management Structure for the National Security Space Components of the Department of Defense*. Department of Defense. Washington. August 2018. Available at: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=813947> (accessed 10.08.2018).
35. *President Donald J. Trump is Unveiling an America First National Space Strategy*. The White House. March 23, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unveiling-america-first-national-space-strategy/> (accessed 25.05.2018).
36. *President Donald J. Trump Is Building the United States Space Force for a 21st Century Military*. The White House. August 9, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-building-united-states-space-force-21st-century-military/> (accessed 09.08.2018).
37. *National Military Strategy, 2015*. July 1, 2015. National Security Strategy Archive. Available at: <http://nssarchive.us/national-military-strategy-2015/> (accessed 29.05.2018).
38. *China’s Space Activities*. China.Org.cn Available at: <http://www.china.org.cn/english/2000/Nov/4288.htm> (accessed 13.03.2018).
39. *China’s Space Activities in 2006*. Central People’s Government. The People’s Republic of China. October 2006. Available at: http://www.gov.cn/english/2006-10/12/content_410983.htm (accessed 13.03.2018).
40. *China’s Space Activities in 2011*. China.Org.cn. December 2011. Available at: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7145648.htm (accessed 13.03.2018).
41. *Full Text of White Paper on China’s Space Activities in 2016*. The State Council. The People’s Republic of China. December 2016. Available at: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2016/12/28/content_281475527159496.htm (accessed 13.03.2018).

42. Chang X. *Military Astronautics*, 2nd ed. Beijing, Defense Industries Press, 2005. 316 p.
43. Cheng D. *U.S.–China Competition in Space. Testimony before Subcommittee on Space Committee on Science, Space, and Technology*. The Heritage Foundation. September 27, 2016. Available at: <https://www.heritage.org/testimony/us-china-competition-space> (accessed 20.01.2017).
44. *The Science of Military Strategy*. Research Department of Military Strategy. Military Science Press, 2013. 276 p.
45. *The Diversified Employment of China's Armed Forces*. White Paper. The State Council. The People's Republic of China. April 2013. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986506.htm (accessed 15.03.2018).
46. *China's Military Strategy*. White Paper. Ministry of National Defense. The People's Republic of China. May 15, Beijing. Available at: <http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/index.htm> (accessed 15.03.2018).
47. Кокосин А. *Военная реформа в КНР: оборонные, внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского академического университета, 2016. 44 с. [Kokoshin A. *Voennaya reforma v Kitae: oboronnye, vneshnepoliticheskiye I vnutripoliticheskiye aspekty* [Military Reform in China: Defensive Aspects and Issues of External and Internal Policy]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo universiteta, 2016. 44 p.]

**AMERICAN AND CHINESE CONCEPTS OF UTILIZING SPACE ASSETS
FOR SOLVING MILITARY AND POLITICAL ISSUES**

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 67-76)

Received 17.09.2018.

Evgeniya V. DROZHASHCHIKH (jane3452@yandex.ru),

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation.

The article draws upon the assumption that the U.S.–China struggle for global leadership is inevitable. At present, we witness the surge of interest towards the “active phase” of trade wars flaring since President Trump’s taking office. But what is requiring to shed light on is whether the bilateral antagonism may switch to the outer space with 95% of space technologies possessed by the states being dual. Proceeding from this logic, the author examines the extent of reciprocal preparedness towards turning space into a theater of war. The author claims that the space factor has been taken into account by the U.S. military strategists since the last decade of the 20th century, though the more vivid impetus was given by the Commission to Assess United States National Security Space Management and Organization report published in 2001 which revealed insufficient readiness of military and intelligence services to use space for heading off perspective threats. As a result, stepping from pledges to reject any limitations on the fundamental right of a country to operate in and acquire data from space including defense and intelligence-related activities, the United States then came to proclamation of more precise guidelines on how to protect national interests depriving the adversary of potential advantages in space. In due course the issues of “interoperability” of national security systems and their “resilience” came to the fore contributing to better understanding of an impact the cross-domain solutions may have for preventing, countering and sustaining aggression. All in all, space domain mission assurance has become an inalienable part of the U.S. space policy since 2012 already. Amidst the Third Offset Strategy of the United States and Donald Trump’s aspirations for strengthening the American deterrence and warfighting options in space, it is expected that soon we will witness correspondent organizational and planning changes making outer space an area of military operational maneuver. Unlike the U.S., China does not have a space doctrine to contain prescriptions on the military use of space. White papers on space activities are majorly intended to build up the frames of providing national security in a peaceful manner. Meanwhile, the Academy of Military Science of the Chinese People’s Liberation Army publishes the guiding thoughts defining the Chinese vision of the future military affairs. It states the combination of soft- and hard-kill techniques to coerce the adversary and achieve space superiority, promotes joint operations implying integration of space operations into the military planning system to enable defensive and offensive activities, whether it be space deterrence or space blockade. In the whole, space is characterized as a “commanding height” applicable in asymmetric warfare and seizing the initiative. At the same time, establishment of Strategic Support Forces responsible inter alia for space activities confirms China’s intention to grant this domain a more active role in providing national security. The author comes to a conclusion that having open and concealed hints at each other in strategic documents, and possessing certain similarities in the vision of the future space activities, both the U.S. and China are strategically prepared to shifting disputes to the space arena.

Keywords: America, China, space strategy, military space politics.

About author:

Evgeniya V. DROZHASHCHIKH, Post-Graduate Student, Faculty of World Politics.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-67-76